

— Генерал, могу ли я поговорить с вами наедине?

Это был незнакомый дряхлый голос, вероятно, врача.

Дверь открылась четыре раза, и холодный ветер дважды врвался внутрь. Кто-то подошел к нему.

— Господин!

Женщина разрыдалась:

— Господин, что с вами?

Это была Сюаньнян.

Ань Шаохуа открыл рот, но смог издать только нечленораздельные звуки.

— Господин!

Сюаньнян бросилась на него, горячие слезы капали на шею Ань Шаохуа, но стекая вниз, становились ледяными.

— Господин, госпожа Жуань ввергла вас в такое несчастье! Господин! Господин Гу здесь, кивните ему, Господин Гу поможет нам отомстить!

Но какая теперь польза от мести? Даже если они отомстят, он все равно не сможет видеть и говорить.

В сердце Ань Шаохуа воцарилась холодная пустота, осталось лишь желание умереть.

Автор хочет сказать:

«Цзимо» (лишение прав) изначально означало регистрацию и конфискацию всего имущества преступника. В те времена женщины и дочери также считались имуществом.

В романах и телесериалах, которые мы видим, жены и дочери чиновников за одну ночь становятся рабынями или даже продаются в «те места» — это как раз и есть ситуация «цзимо».

Для удобства повествования в этом тексте напрямую заимствована система, схожая с институтом «бяньху» (зарегистрированные) и «фэй-бяньху» (незарегистрированные) эпохи Тан.

«Бяньху» в моем тексте относится к четырем сословиям: ученые, крестьяне, ремесленники и торговцы. Я использую термин «ляньминь» (добропорядочные граждане), что по смыслу совпадает с «бяньху» эпохи Тан.

Для «фэй-бяньху» ради рифмы и легкости запоминания я использовал термин «цзимо» для обозначения того смысла, который мне нужен, то есть ситуации, в которой оказалась семья главного героя. Из-за ссылки на месте приема их не внесли в реестр добропорядочных граждан, а столичная прописка была конфискована. Поэтому это и есть «цзимо».

Фактически, в эпоху Тан было три категории «незарегистрированных»: во-первых, «цзяньминь» (подлые люди, включая рабов, подписавших пожизненный контракт на продажу, и тех, кто был продан в разные места. Ключевым доказательством являлся пожизненный контракт на продажу, распространявшийся и на потомков); во-вторых, «фанвай» (люди за пределами мира,

монахи); в-третьих, солдаты (не имевшие прописки на родине).

Ань Шаохуа был не чужд бессердечности и холодности Юэ'э. Просто они выросли вместе с Юэ'э, и чувства между ними не стоит говорить о чувствах, а в пору первой любви они гуляли под луной, наслаждаясь прекрасными моментами, было много того, что он не мог отпустить и забыть. Кроме того, они выросли вместе, и годами выработанная взаимопонятность была уникальной. За шестнадцать лет после вступления Юэ'э в дом, даже если они не разговаривали, они могли угадать мысли друг друга.

Именно поэтому, помня, что Юэ'э не стала его законной женой и заняла положение второй супруги — неофициальное и неловкое, — Ань Шаохуа испытывал к ней больше жалости и хотел защищать ее.

В прошлом в усадьбе маркиза Ань Шаохуа знал о некоторых поступках Юэ'э, но считал, что это из-за ее любви к нему, что она не смогла сдержать женской ревности и сделала что-то чрезмерное. В принципе, следовало бы наказать, но когда дело касалось Юэ'э, несколько мягких слов, капризный тон с укусом ревности, и снова несколько слез — и любой гнев сменялся жалостью.

Ань Шаохуа не был глупцом. Наоборот, он был очень умным. Чем умнее человек, тем больше он считает, что знает меру. Где начинаются эти мысли и где заканчиваются. Все это, как ему казалось, было самой лучшей мерой. Чуть больше — и будет портить, чуть меньше — и не дотягивает. В каждом продвижении и отступлении, по сути, заключается лишь выбор.

Оглядываясь назад на столько лет, как Ань Шаохуа мог не иметь ни малейших подозрений? Двое его законных сыновей с малых лет находились на воспитании у Гу Мо и росли за вторыми воротами, разумеется, Гу Мо защищал их со всех сторон. Во внутренних покоях было так много женщин, в первые годы то и дело доходили вести о беременности, но вскоре происходили разного рода происшествия. Легкие случаи заканчивались выкидышем, тяжелые — гибелью матери и ребенка. Мало кто мог родиться живым и невредимым. Но только Юэ'э была беременна четыре раза подряд, и каждый раз «плод созрел», не только мать и ребенок были в безопасности, но и Цзинь, Цзиньчунь, Цзинькунь и Цзиньсюань все выросли здоровыми. В этом кроется...

У Ань Шаохуа также было две побочные дочери, которых звали Сю-эр и Цяо-эр. Было еще три или четверо побочных детей без имен, но по обычаям столицы Юнъань имя ребенку давали на празднике первого дня рождения старейшины; если было имя, значит, был статус. Те, кто умирали до праздника первого дня рождения, считались пришедшими за долгами, им нельзя было давать имена, вносить в родословную книгу, хоронить на ancestral кладбище, их нужно было выбросить подальше.

Матерью Сю-эр и Цяо-эр была Чуньтао, которую бабушка указала Ань Шаохуа. В том году Чуньтао ценой жизни родила мертвый плод и умерла от кровотечения. Полгода спустя, во время эпидемии простуды, эти две девочки тоже умерли. Бабушка за это сильно наказала Гу Мо. На самом деле Ань Шаохуа в сердце понимал, что дело Чуньтао не имеет отношения к Гу Мо.

Во-первых, Гу Мо — законная супруга, и бабушка в какой-то степени оставляла лицо. Во-вторых, Гу Мо занимается боевые искусствами, телосложение крепкое, он мог выдержать наказание бабушки. Поэтому, даже зная, что Гу Мо пострадал незаслуженно, Ань Шаохуа не остановил бабушку, когда она заставила его kneeling в зале Будды.

После этого Ань Шаохуа редко ходил в покои к другим. Иногда коллеги по службе присылали людей в качестве даров, он только принимал их, но даже не смотрел на них. В усадьбе маркиза и так не было недостатка в еде и комнатах, это было все же лучше, чем им переходить из рук в руки влиятельных людей, где судьба непредсказуема.

У старшего брата в женах была графиня, и ему нельзя было брать наложниц, был только одна законная дочь. Вся семья следила за двором Ань Шаохуа, надеясь, что у него будет много сыновей и счастья. Но кроме Юэ'э, остальные ни разу не забеременели.

Через несколько лет бабушка сказала, что Гу Мо — мужчина и не умеет заниматься мелкими делами внутренних покоев. Поэтому у входа во двор отдельно построили небольшой дом с тремя входами, чтобы Гу Мо жил отдельно. Все дела внутренних покоев передали Юэ'э.

С тех пор в третьих воротах больше не слышно было о выкидышах, и соответственно, кроме Юэ'э, никто больше не беременел.

Ань Шаохуа горько усмехнулся: до чего теперь думать об этом ерунде?

Семь лет назад Сюаньнян благополучно родила Нинъюя. Но теперь даже он сам стал таким.

Ладно, ладно! О чем еще спрашивать! Можно выжить — и хорошо.

Уже все случилось, что даст расследование прошлого?

Только Цзинхэ и Цзинцю... Эх... Они же были законными сыновьями Ань Шаохуа! Даже если Ань Шаохуа больше баловал Юэ'э и жалел Цзиньчуаня и других, на кого он по-настоящему возлагал надежды, так это на законных сыновей. Особенно на такого законного сына, как Цзинхэ.

Цзинхэ и Цзинцю с малых лет росли при Гу Мо, обычно без болезней и несчастий. Цзинхэ в семь-восемь лет уже виртуозно владел копьем семьи Гу, прошел пешком восемьсот ли ссылки, после обустройства тоже честно работал учеником в лавке, кто знал, что он внезапно съест ядовитый гриб и так погиб.

.....

Это был второй год после всеобщей амнистии по восшествии на престол императора Чжаояня.

Первоначально второй принц взошел на трон, с девизом правления Чжаоянь. В первый год Чжаояня император объявил бывшего третьего принца самозванцем-императором и лишил его звания, понизив до простолюдина. Спасли полуживого императора Цяньчжана, то есть первоначально седьмого принца, и пожаловали титулом князя Цянь.

Три года гражданской войны закончились, люди надеялись прожить мирные дни.

На этом спектакль по смене неба и земли, устроенный этими тремя братьями, наконец завершился. То, что государство пострадало, не стоит говорить, западные варвары с волчьими амбициями часто вторгались. Пограничные огни пылали повсюду, живые существа страдали. Народ был вынужден покидать дома, жизнь была невыносима.

Гу Фэн отправил человека найти Гу Мо, не знаю, что они говорили за закрытыми дверями. Этот человек прожил в уезде У больше половины месяца, не отходил ни на шаг от Гу Мо, тихо уговаривая. Ань Шаохуа слышал несколько раз, только о том, что дадут титул маркиза и пост

министра, что настоящий мужчина должен делать так-то и так-то, что армия семьи Гу.

Вскоре Гу Мо вышел из дома сопровождать караван, и тот человек поспешно последовал за ним.

Примерно через полмесяца Гу Мо вернулся после сопровождения каравана, но тот человек не вернулся вместе с ним. Юэ'э несколько раз напоминала Ань Шаохуа, что этот человек выглядит либо богатым, либо знатным, сейчас семья Ань в таком положении, не случится ли чего? Ань Шаохуа не принял это близко к сердцу. Хотя он всем сердцем любил тысячу прелестей Юэ'э, к Гу Мо он тоже относился с абсолютным доверием.

Вскоре после ухода того человека, погода с каждым днем становилась холоднее. Выглядело так, будто цветы красные, трава зеленая, но после осеннего дождя сразу становилось прохладно.

Лавка, где работал Цзинхэ, готовилась к поступлению новых товаров, хозяин выкопал партию тканей, которые долго лежали на дне сундука. Узоры вышли из моды, но ткани были хорошие. Некоторые из-за плохого хранения имели пятна плесени.

Пятна плесни были нечастыми, шить одежду было нельзя, но делать мелкие вещи можно. Цена, конечно, «можно договориться». Цзинхэ купил немного, думая, получится ли сделать мелкие вещи и отнести на рынок для продажи, чтобы немного добавить к семейному бюджету.

<http://bllate.org/book/16674/1529202>